

УДК 394.912; 325.36

Мухаметшин Ф. М.,
*доктор политических наук, профессор,
Чрезвычайный и полномочный Посол,
заместитель председателя Комитета
Совета Федерации по международным делам*

**Буджак, родина «задунайских переселенцев»
(к вопросу об этноисторической судьбе бессарабских болгар и гагаузов)**

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта РФФИ 19-09-00374 «Россия – Молдова в XIV-XXI вв.: история политических, торгово-экономических и духовно-культурных связей»

Освещается исторический контекст этноисторического освоения болгарскими и гагаузскими переселенцами бессарабских земель. Представлены основные концепции, получившие распространение в гагаузоведении, о происхождении гагаузского народа.

Отдельное внимание уделяется внешнеполитическим трансформациям, под влияние которых попадало население Бессарабии в XIX – первых десятилетиях XX вв., в том числе – болгары и гагаузы края.

Ключевые слова: болгары, гагаузы, Бессарабия, Буджак, задунайские переселенцы.

Mukhametshin F.M.,
*Doctor of Political Sciences, Professor,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary,
Deputy Chairman of the Federation Council
Committee on International Affairs*

**Budzhak, the homeland of the "trans-Danube settlers"
(to the question of the ethno-historical fate of the Bessarabian Bulgarians and Gagauzians)**

The study was carried out within the framework of the RFBR project 19-09-00374 "Russia - Moldova in the XIV-XXI centuries: the history of political, trade, economic, spiritual and cultural ties"

The historical context of the ethno-historical development of the Bessarabian lands by the Bulgarian and Gagauz settlers is highlighted. The main concepts, which have become widespread in Gagauz studies, about the origin of the Gagauz people are presented.

Special attention is paid to foreign policy transformations, which influenced the population of Bessarabia in the 19th - first decades of the 20th centuries, including the Bulgarians and Gagauz of the region.

Keywords: Bulgarians, Gagauz, Bessarabia, Budzhak, trans-Danube settlers.

История вхождения территории Пруто-Днестровского междуречья в состав Российской империи будет неполной, если не описать закрепление в этом регионе «задунайских переселенцев» («болгарских колонистов») – гагаузов и болгар – и совместного проживания в Бессарабии многих народностей, культур и языков.

Но прежде чем перейти непосредственно к повествованию о гагаузах и болгарях, совершим краткий экскурс в историю Буджака. Изучив имеющуюся литературу по истории этого края, мы пришли к выводу о том, что описанием Буджака и исследованием его истории занимались в основном российские и исследователи из Российской империи и впоследствии – советские и молдавские ученые, среди которых были и есть этнические гагаузы и болгары. В XIX – начале XX в. описание Буджака было представлено в работах А.А. Скальковского, П. Свиньина, П. Задерацкого, А. Защука. Традиционный быт болгар исследовал Державин, генералу В.А. Мошкову, члену Русского географического общества принадлежит этнографическое исследование «Гагаузы Бендерского уезда», опубликованное в начале XX в. в журнале «Этнографическое обозрение». Описание народов Пруто-Днестровского междуречья содержится в очерках Л.С. Берга «Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство». Во второй половине 20 в. с развитием науки в МССР появляются научные структуры, которые занимаются изучением истории и культуры населения Молдавии. Среди имен известных историков, археологов, этнографов, фольклористов и лингвистов, можно назвать Я. С. Гросула, В. Я. Гросула, В.С. Зеленчука, И.А. Анцупова, И.Ф. Грека, И.Я. Левита, С.З. Новакова, Н.Н. Червенкова, Н.Д. Русева, С.С. Курогло, М.В. Маруневич, Г.А. Гайдаржи и мн. др. исследователей. В постсоветский период к изучению данной проблемы присоединяются В.И. Сырф, Л.С. Чимпоеш, Д.Е. Никогло, Е. Н. Квилинкова, А. В. Шабашов. В Институте культурного наследия АН Молдовы функционируют секторы этнологии болгар и гагаузов, в АТО Гагаузия открыт Научно-исследовательский центр, в котором также ведутся исследования в области гагаузоведения. Одним из наиболее ярких авторов-гагаузоведов является С.С. Булгар. Любопытно, что в постсоветский период появляются публикации этнополитологической направленности, автором которых является И.Ф. Грек. Интерес представляет также и исторический очерк о Республике Молдова экс-президента страны П.К. Лучинского, изданный на русском и румынском языках.

Историческая область Южная Бессарабия под названием «турецкий Буджак», славянский «Онгъл», Ъгъл («Угол») на протяжении более десятков веков выполняла «роль коридора истории, связывающего пространство евразийских степей с Подунавьем и Балканами» [Агульников, Булгар, 2014: 6]. Общеизвестно, что проживающими на этих землях многочисленные племена,

народности и народы до наших дней были «скифы, гето-даки, сарматы, тирагеты, бастарны, трибалы, греки, а на протяжении XX веков нашей эры – римляне, карпы, вены, готы, аланы, западные славяне, анты, хазары, печенеги, турки-болгары, узы, половцы (куманы), татаро-монголы, ногайцы, евреи, русские, украинцы, молдоване, болгары, гагаузы, сербы, цыгане, поляки, немцы, французы, албанцы, вновь греки и т. д.)» [Pagini uitate ale istoriei, 2012: 11].

Политическое и этническое общество в Буджаке, как отмечают многие исследователи этих территорий, во все времена отличалось нестабильностью и постоянным «брожением». И.Ф. Грек, характеризуя постоянно меняющуюся там ситуацию в течение многих веков, подчеркивает, что «... во-первых, географическая особенность Буджака – он является окраиной огромного степного пояса Евразии; во-вторых, стратегическая важность региона, обусловившая многочисленные военные столкновения за обладание им «...» разные группы населения на отдельных исторических отрезках времени вытеснялись, истреблялись, ассимилировались более могущественными пришельцами, но, в конечном счете, самих их подстерегала такая же судьба ... чередой одних народов следовала за чередой других» [Pagini uitate ale istoriei, 2012: 11-12].

Буджак всегда был «многонациональным котлом» и появление в нем «задунайских переселенцев» – болгар и гагаузов – не было случайным. При этом, как верно отмечает И.Ф. Грек, «... история болгар и гагаузов связана с Буджаком еще с первых веков нашей эры и восходит к появлению здесь первых тюркских племен, ставших впоследствии одним из компонентов в этническом образовании болгар и участвовавших в появлении новой этнической общности – гагаузов» [Pagini uitate ale istoriei, 2012: 12].

Исследователи отмечают, что история Буджака была тесно связана с историей «тюркского и славянского миров», начиная с IV века н.э. миграция тюркских племен Балкан проходила через эти земли.

До появления на Балканском полуострове северо-тюркских племен печенегов, узов, куман, на эту территорию проникли болгары, или как их называют в научной литературе, протоболгары или тюркоболгары. По мнению ученых, в результате их ассимиляции славянами на территории нынешней Болгарии сложился современный болгарский этнос. Миграции печенегов, узов и куман на Балканы осуществлялись на протяжении 11 века несколькими волнами. При этом печенеги из Причерноморских (Южнорусских) степей теснили узы, а узов, в свою очередь, вытесняли куманы.

Исследователи полагают, что из смешения этих этнических общностей были сформированы гагаузы. Однако до сих пор в гагаузоведении не сложилось единого мнения относительно их происхождения. Здесь нам следует остановиться на имеющихся гипотезах этногенеза гагаузов. В своей статье профессор М.Н. Губогло представил различные точки зрения по проблеме происхождения гагаузов. По его мнению, существуют две группы гипотез: славянская и тюркская. Сторонники славянской гипотезы, к числу которых в основном относятся болгарские ученые, считают, что гагаузы – это

отуреченные болгары, которые в период османского господства в Болгарии приняли турецкий язык, но сохранили православную веру. Данная гипотеза появилась в XIX веке. До сих пор неизвестно, кто является ее автором. Одним из объяснений появления подобного взгляда на проблему является стремление элиты бессарабских болгар добиться открытия школ с болгарским языком обучения в Российской империи. Для того чтобы обосновать право на получение разрешения преподавания на родном языке, болгарские активисты включили в число болгар и тюркоязычных гагаузов. Данная гипотеза не поддерживается большей частью гагаузоведов.

Тюркская группа гипотез включает в себя несколько версий. Согласно одной, гагаузы являются потомками турок-сельджуков, а их этноним восходит к имени султана Изетдина Кейкавуса (Кейкавус – гагауз), другие полагают, что гагаузы являются потомками куман. Эту гипотезу вначале выдвинул российский исследователь Григорович, затем к ней присоединился болгарский историк К. Иречек. Высказывая мнение о данной точке зрения, ряд ученых говорит о ее несостоятельности, поскольку язык куман принадлежит кипчакской группе языков, а язык гагаузов – огузской. Еще одна версия гласит, что гагаузский этнос сформировался в результате взаимодействия трех компонентов – печенегов, узов, половцев, прибывших в 11 в. на Балканы. Данная гипотеза разделяется большинством гагаузоведов. Любопытно, что болгарские ученые археологи братья Шкорпилы XIX в. выдвинули еще одно предположение, суть которого заключалась в том, что гагаузы могли быть потомками протоболгар (тюрко-болгар), т.е. болгар под предводительством хана Аспаруха, мигрировавших на территорию нынешней Болгарии в VII в.н.э. Вступив во взаимодействие со славянами, протоболгары были ассимилированы в языковом отношении, но дали свое имя новому этносу, который стал называться «болгары». По мнению вышеназванных археологов, не все протоболгары были ассимилированы. Ту их часть, которая проживала на территории Добруджи и Северо-Восточной Болгарии, ассимиляционные процессы не затронули. Именно этот сохранившийся этнический массив дал начало гагаузам [Губогло, 1967: 159 - 167].

Данная гипотеза разделяется и современными учеными. Так, украинской гагаузовед А.В. Шабашов считает, что, кроме печенегов, узов, куман, в складывании гагаузской этнической общности участвовали и протоболгары. Такой же точки зрения придерживается и молдавский историк И.Ф. Грек [Шабашов, 2002].

Турецкие ученые, которые унаследовали архивы Византийской империи при взятии Константинополя в 1453 г., также писали о гагаузах. Среди их исследований в книге «Краткая история тюрков-христиан» (*Hiristiyan Türklerin kısa tarihi*) есть такое утверждение, что «"огузы (узы)" с 1036 г. начали проживать в районе Добруджа (Варна, Каверна, Балчик, Констанца) под названием Гагаузы... Они на протяжении 120 лет (1263-1383 гг.) имели независимое государство» [Yakup Aygıl, 1995].

Здесь следует пояснить, что турецкий исследователь ошибочно говорит о наличии независимого государства у гагаузов. Дело в том, что это было не

государство в привычном понимании, а одно из княжеств на территории Болгарии, которое называлось Добруджанское деспотство. В нем в указанный период жило тюркоязычное население, которое, по мнению болгарского археолога Г. Атанасова, впоследствии стало называться гагаузами. Правителями этого княжества были представители куманской династии – Балик, Добротица, Ианку Добричоглу [Атанасов, 2009].

Турецкий исследователь пишет, ссылаясь на греческие источники, что «... В 1065 г. в районе реки Дунай была замечена пришедшая с севера новая группа язычников Узов и Огузов численностью до 60 тыс. человек, и после принятия православия остались под именем гагаузы» [Dobruca ve Türkler, 1996: 16]. Подтверждение этому мы также находим в вышеупомянутой книге «Краткая история тюрков-христиан» (Hiristiyan Türklerin kısa tarihi) о том, что «в начале XI века по предложению византийского патриарха гагаузы приняли православное христианство» [Yakup Aygıl, 1995: 73].

Другой турецкий историк Ахмет Ерджиласун в своей публикации «Новые вести о гагаузах» также утверждает, что «Узы и Огузы», перейдя на лодках через Дунай, в 1065 году расселились на севере-востоке Болгарии в районе Добруджа. Смешавшись с печенегами и половцами, прибывшими чуть позже, под влиянием Византии вошли в лоно христианской православной церкви [Türk kültürü, 1989: 29].

Труды М. Чакира, протоирея, известного в Молдавии и Гагаузии просветителя, статьи этнографического характера также являются важным источником о духовной и материальной культуре гагаузов. Он также утверждает, что «в 1064 году тюрко-узы бежали от куман и русских, перешли Дунай в округе территории Дели-Ормана (кадрилатер). Тюрко-узы (огузы), которые остались в русских краях и которые именовались каракалпаками, приняли православную христианскую веру» [Булгар, 2005: 87].

Население Бессарабии в российской политике кон. XVIII – начала XIX вв.

Политика России второй половины XVIII – XIX вв. характеризуется усилиями царского правительства, направленными на объединение христианских народов Балканского полуострова, борьбой за их освобождение от Османского ига. Например, в своем манифесте императрица Екатерина II от 19 февраля 1769 года к народам Юго-Восточной Европы прямо призывает православные народы против Османской империи: «Объявляем всем славянским народам православного вероисповедания, в турецком подданстве находящимся... Всему свету известно, какие все христианское православное сословие принуждено претерпевать везде в турецкой державе беды и напасти, непосильные подати, разные суровости, обиды, удручения частные и безвинные убийства, утеснения святыя церкви, лишение христианского учения, соблюдены от магометанства... Мы по равности к православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в турецком порабощении единовѣрным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждого особенно полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться к свержению ига и к

приведению себя по-прежнему в независимость, ополчаясь, где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага и стараясь возможный ему вред причинять» [Мунтян, Семенова, 1984: 10].

Возвращаясь к истории буджакского края, отметим, что «с падением Второго болгарского царства и переходом Буджака вначале во владения молдавских князей, а затем в состав Османской империи, связи болгар и гагаузов с ним не только не прекращаются, а наоборот, расширяются, за счет их переселения на эту территорию. В целом же в XVI-XVIII веках в Буджаке преобладал тюркский этнический элемент, а именно ногайские племена и татары, которые находились в подчинении Крымского ханства, а последние – в вассальной зависимости от правителей Османской империи» [Pagini uitate ale istoriei, 2012: 12].

Экс-президент Республики Молдова П.К. Лучинский в своей книге «Молдова и молдаване», представляет следующую политическую ситуацию того времени: «Тогда знаменем греков, сербов, болгар, молдаван, валахов было православие. Его триумфа на Балканах с помощью России ожидали все, обратив взоры к этой державе. Такова историческая реальность, которую нельзя "исправить". Оправдала ли чаяния православных балканских народов тогдашняя Россия, которую мы несправедливо измеряем сегодняшними мерками, – совсем другой вопрос. Истина, как обычно, находится где-то посередине: в чем-то оправдана, в чем-то нет. Но это не значит, что можно кусать руку, которую тебе протянули в час беды» [Лучинский, 2011: 160].

Нельзя не согласиться с мнением П.К. Лучинского, когда он подчеркивает, что «... вся возня вокруг престолов Молдовы и Валахии была лишь поводом. Настоящую причину конфликта нужно искать в опасениях России, вызванных все более глубоким проникновением Франции на Балканы. Как ни странно, именно Франция была виновницей начала русско-турецкой войны» [Лучинский, 2011: 177].

Надо подчеркнуть, обращаясь к истории, французо-турецким отношениям, что влияние французского двора на Османскую империю укрепилось после победы Наполеона над объединенными силами России и Австрии (ноябрь 1805 года). Тогда развалилась III антинаполеоновская коалиция, созданная при активном участии Великобритании и России (весна 1805 года), как и возобновление военного союза между Россией и Турцией (сентябрь 1805 года).

Таким образом, «... под влиянием побед французов изменилось соотношение сил в Европе, что повлияло на ситуацию в Османской империи «...» При дворе турецкого султана ведущие позиции заняли сторонники французской партии. Антироссийский настрой Блистательной Порты проявился сразу как в области внутренней, так и внешней политики ... Султан вскоре "укрепил" свою власть в Молдавии и Валахии, назначив господарями в этих княжествах французские креатуры (К. Ипсиланти и А. Мурузи – автор)» [Лучинский, 2011: 114].

Французская сторона много раз становилась посредником в российско-турецко-молдавских отношениях не в пользу России, всегда стремилась

сохранить выгодное для себя положение в регионе в противовес России, совместно с Турцией или порознь, отстаивая интересы Османской империи, однако при этом ставя на первое место свои выгоды.

Надо подчеркнуть, соглашаясь с мнением П.К. Лучинского, что турецкий султан Селим II не только находился в фарватере французской политики, но и, «... признав Наполеона императором, уклонился от вступления в IV антинаполеоновскую коалицию, военный союз Турции с Россией также был разорван. После того, осенью 1806 года, Порты окончательно закрыла Черноморские проливы для прохода российских военных кораблей. Россия потребовала от Порты отменить это решение, но турки стояли на своем» [Булатов, 2019: 115].

В марте 1806 года со стороны российского правительства было сделано турецкому султану предупреждение о том, что «если Блистательная Порты будет содействовать наполеоновской Франции, Россия в оборонительных целях введет войска на территорию Молдовы» [Очерки внешнеполитической истории, 1987: 386].

22 ноября 1806 года по приказу императора Александра I русские войска вступают в Молдавию – 29 ноября они занимают Яссы, а 23 ноября – Бухарест. Что примечательно, к русским войскам присоединилось двадцатитысячное формирование молдавских добровольцев. При этом турецкие воинские подразделения, находящиеся в Дунайских княжествах, без сопротивления сложили оружие. Так без объявления войны началась очередная русско-турецкая война 1806-1812 годов.

Османская империя приняла решение об объявлении России войны только в декабре 1806 года. Как пишет Ю.А. Булатов, это было сделано «... лишь после того, как Наполеон устно пообещал им вернуть Крым. Однако Турции пришлось воевать против России в одиночку, и никаких союзных отношений с Наполеоном заключено так и не было» [Булатов, 2019: 115].

В результате военных операций турки понесли невосполнимые потери, как на суше, так и на море. «В июне 1807 года под Бухарестом корпус генерала М.А. Милородовича нанес сокрушительный удар по турецкому лагерю и обратил турок в бегство, а эскадра вице-адмирала Д.Н. Сенявина, применив тактику маневренного боя, разбила в Афонском сражении турецкий флот» [Булатов, 2019: 115].

Турки в качестве посредника опять обратились к Франции, да и сами французы нуждались в передышке после ряда военных операций в Европе. «Наполеон вплотную приближался к границам Российской империи и предложил Александру I заключить мир. В этом договоре оговаривалась возможность заключения русско-турецкого перемирия» [Булатов, 2019: 115].

В августе 1807 года в местечке Слободзея было заключено русско-турецкое перемирие, продлившееся до весны 1809 года. А в сентябре 1808 года в ходе очередной встречи Александра I и Наполеона, последний дал письменное согласие на присоединение к России Дунайских княжеств. В истории это событие было зафиксировано под названием «Эрфуртское свидание».

И как следствие этого перемирия, в 1807 году буджакские ногайцы покинули Пруто-Днестровское междуречье, оставив почти все свои населенные пункты. Таким образом, в регионе практически не осталось мусульманского населения, земли буджакских ногайцев были переданы под управление молдавского дивана. «После Тильзитского мирного договора между Францией и Россией (7 июня 1807 г.) стало совершенно ясно, что участь Молдавии и Валахии будет решаться не между Россией и Турцией, а между Россией и Францией. И действительно в последующие годы между Францией и Россией шел настоящий торг, в котором решалась судьба и обоих княжеств и других европейских земель» [Книга для чтения, 2015: 6].

В 1811 году, после проведения М. Кутузовым под Рущуком и Слободзеей победных с турками сражений в октябре т. г., Верховный визирь Османской империи запросил у русского командования мирные переговоры.

16 (28) мая 1812 года после многолетних войн между Российской и Турецкой империями подписывается в Бухаресте Русско-турецкий мирный договор (называют его и как Бухарестский мирный договор). В соответствии с положениями ст. IV которого «река Прут со входа ее в Молдавию до соединения с Дунаем, и левый берег Дуная с его соединения до устья Каспийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее...» [Внешняя политика России, 1962: 413].

Таким образом, земли Пруто-Днестровского междуречья переходят под юрисдикцию Российского государства, что «вследствие вышеупомянутой статьи (ст. IV) Блистательная Порта уступает и отдает Российскому императорскому двору земли, лежащие по левому берегу Прута, с крепостями, местечками, селениями и жилищами, тамо находящимися, средина же реки Прут будет границею между обеими высокими империями» [Внешняя политика России, 1962: 413].

Основные положения этого договора 1812 года, пишет российский исследователь Ю.А. Буланов, из поколения в поколение передавались в молдавском обществе и были хорошо известны всем от мала до велика. Особое удовлетворение жителей Бессарабии вызвал запрет турецким властям иметь свои воинские контингенты на территории соседних Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии) [Булатов, 2020а: 26].

О реакции Дивана Молдавского княжества и населения Молдавии на весть о победе русской армии в русско-турецкой войне читаем в архивных документах: «достигнув г. Яссы, известие наполнило несказанной радостью сердца истинных и верующих патриотов Молдавии об этом новом увенчании России, православной и защитительной империи, о расширении границ ее империи... От всего сердца земля Молдавии возносит до небес славу непобедимых, прославленных, верующих и спасительных армий императорского величества России, к радости православных христиан» [Archive statului, 1932: 192 - 193].

Статья VII Договора устанавливала восемнадцатимесячный срок для переселения жителей территорий, присоединенных к России, в Турцию или, наоборот, из Турции – в Россию. Россия обрела обширную территорию

площадью в 45,8 тысяч кв. километров, на которой располагались 5 крепостей, 17 городов и населенных пунктов с 40160 семьями.

Отметим, что до 1812 года территория междуречья Днестра и Прута не имела единого управления. Источники повествуют, что она была разделена на три части: молдавскую представляли центральные и северные уезды, подчиненные молдавскому господарю и его администрации; южная часть (Буджак) находилась под властью ногайских татар. Профессор В. Я. Гросул классифицирует их положение в крае как «своеобразное государство в государстве, с одной стороны, они подчинялись Крымскому ханству, в свою очередь вассальному от Османской Турции. С другой, они имели собственное административное устройство и во внутренних делах обладали довольно значительной свободой» [Гросул, 2018: 9]. Города и крепости с их окрестностями (Аккерман, Измаил, Килия, Яссы, Бендеры, Хотин) управлялись турецкой администрацией, как турецкие раваты, возглавляемые «пашой» [Книга для чтения, 2015: 11].

Вообще на момент включения края в состав России, он не обладал самостоятельным статусом. Напомним, что лишь 47% территорий, включенных в состав Российской империи, относились к Молдавскому княжеству [Гросул, 2018: 470], остальные – 53% входили в состав турецких райя и напрямую подчинялись османскому султану.

После включения края в состав России ликвидировалось деление управления регионом на турецкий, татаро-ногайский и молдавский секторы. Пруто-Днестровский регион ставится под единое управление.

Император Александр I назначил главнокомандующего Дунайской армией и Черноморским флотом В.Я. Чичагова генерал-губернатором Молдавии и Валахии. На него были возложены обязанности – принять новоприобретенные провинции, наметить первые шаги по организации и упорядочению административного устройства земель, переходящих к России по Бухарестскому договору.

Одним из первых решений генерал-губернатора было разделение новых территорий на шесть уездов (цинутов): Хотинский, Ясский (Бельский), Оргеевский, Бендерский, Аккерманский и Измаильский. При обсуждении вопроса, как назвать новую область и какой город избрать административным центром, было решено: поскольку междуречье до 1812 года называлось и Бессарабией и Буджаком, назвать регион Бессарабией. А при выборе центра новой области была принята рекомендация митрополита Г. Бэнулеску-Бодони, чтобы им стал г. Кишинев, Император Александр I дал на это свое согласие.

23 июля 1812 года генерал-губернатор подписывает «Правила временного управления Бессарабией», положившие основу управления бессарабскими землями (вступили в силу в марте 1813 года).

Приведем только ключевые пункты этих Правил:

«...6. Жителям Бессарабии оставляются собственные законы; 10. в качестве исправников будут избраны только молдаване, присягавшие на веру России, как русские. 11. Гражданское правление состоит из двух департаментов...; 19. Акты будут составляться на молдавском языке...

Бессарабским жителям предоставлены следующие привилегии: 22. Все жители этой области и те, кто здесь поселится, освобождаются на три года от всех налогов...; 23. Все жители области и те, кто здесь поселится, освобождаются на три года от воинской повинности [ЗБСК, 1968: 64 – 66; См.: Poștarencu, 1998: 64 - 66].

29 апреля 1818 г. выходит Устав образования Бессарабской области, в котором были определены особые способы управления, верховная власть и статус языков управления: «...Бессарабия сохраняет свое состояние народа и в силу этого получает особый способ управления... В области учреждается верховный Сфат из председателя, четырех членов областного правительства и шести депутатов... Областной Совет рассматривает все вопросы, относящиеся к области... В работе Верховного Совета используются русский и молдавский языки... Правительство рассматривает вопросы на русском и молдавском языках...» [ПСЗРИ, 1830: 222 - 227].

Таким образом Восточная Молдавия управлялась Верховным Советом (Сфат), председателем был губернатор, рабочими языками были русский и молдавский языки, документы издавались в зависимости от их характера на русском и молдавском языках. В конечном счете, «для природных молдаван, проживающих в Пруто-Днестровском междуречье, а теперь, не сходя с места, ставших коренными жителями Бессарабии, присоединение к России означало исполнение их вековых чаяний: освобождение от турецкого ига и долгожданное воссоединение с русским народом, братским по православной вере и родственным по культуре» [Булатов, 2019].

Историки писали по поводу «Устава образования Бессарабской области», что он являлся настоящей либеральной Конституцией, по которой Бессарабия стала автономной областью в составе Российской Империи [Руссев, 1992: 8 - 9].

Ситуация в Бессарабии в этот период не была однозначной, известно, что крестьянские семьи, а иногда и всем селом уезжали из Бессарабии. Как пишет П.К. Лучинский: «Именно в первые годы после присоединения бессарабские крестьяне, напуганные тем, что их превратят в крепостных по российскому образцу – в Молдове крепостничество было отменено еще в середине XVIII века – пересекали новую границу и убегали в старое княжество... Несмотря на то, что Россия значительно облегчила народу существование и что местные власти и лично митрополит Бэнулеску-Бодони неоднократно призывали население к нормальной жизни, массовый исход продолжался до 20-х годов, пока в крае не настало истинное, вполне ощутимое улучшение социально-экономической жизни» [Лучинский, 2011: 182].

Когда проект Устава был подготовлен, и было принято решение о его утверждении, столицу новой области – город Кишинев – посетил император Александр I. «Визит императора был подготовлен русской дипломатией с расчетом привлечь внимание иностранных держав – прежде всего, Англии, Австрии, Франции, Турции – на отношение России к статусу присоединенной Бессарабии... Понимал значение своей миссии и сам Александр I, прекрасно знавший, что долгожданный «Устав» составлен, и местные бояре ждут от него

подтверждения своего равенства в правах с русским дворянством. Ждали этого визита все слои общества, пораженные возможностью воочию увидеть императора. Турецкий султан подобными визитами провинцию не удостаивал» [Лучинский, 2011: 19]. Все прекрасно понимали, что визит государя является историческим событием в жизни области, открывает новые перспективы местному населению на совместную жизнь в составе России.

Другим важным событием в обустройстве нового края стало создание Бессарабской митрополии во главе с митрополитом Гавриилом Бэнулеску-Бодони.

К этому времени митрополит уже был хорошо известен в крае как авторитетный священник, служил епископом Белгорода и Бендер, в феврале 1792 года указом Екатерины II назначался митрополитом Дунайских княжеств. Когда по Ясскому договору русские войска были вынуждены уйти с территории княжеств, он отказался покинуть Яссы, несмотря на приказ господаря Молдавии А. Мурузи. 19 июня 1792 года он был арестован и доставлен в Константинополь. Освобожден из заключения по ходатайству российских властей.

Г. Бэнулеску-Бодони вновь был назначен на службу, возглавил Екатеринославскую и Новороссийскую епархии, стоял во главе митрополии Киева. 27 марта 1808 года указом императора Александра I он назначается членом священного Синода и его экзархом в Дунайских княжествах Молдавии и Валахии.

Новая Заднеэстровская епархия стала называться Кишиневской и Хотинской. А 21 августа 1813 года Святейшим Синодом ей был присвоен титул митрополии.

Г. Бэнулеску-Бодони активно принялся за строительство новых церквей, духовной семинарии, занимался наведением порядка в административном управлении митрополии, уделял внимание образованию духовенства, боролся за высокий уровень «нравственного авторитета» священнослужителей в глазах народа.

Трудно не согласиться с выводами профессора МГИМО МИД России Ю.А. Булатова о том, что «... вхождение земель Пруто-Днеэстровского междуречья в состав Российского многонационального государства продемонстрировало преэмественность династии Романовых во внешней политике московских князей из рода Рюриковичей, цель которой – собрать под своей властью земли, ранее входившие в Древнерусское государство. Молдавская земля тем самым, не на словах, а на деле приобрела новый ракурс и стала составной частью не только внешней, но и внутренней политики Дома Романовых» [Булатов, 2019: 118].

Бухарестский договор имел еще одно важное значение, он лишил Турцию возможности размещать в Бессарабии воинские формирования. То есть ограничил, хоть и на короткое время, противостояние России с Турцией в регионе.

Стамбул в свое время не смог решить на землях Буджака главный вопрос, заселить большие незаселенные и малозаселенные пространства, «если города

края довольно быстро стали важными частями Османской империи, то проблему степи решить, по сути, не удалось. Кочевники здесь долго не удерживались и оказались трудноуправляемыми не только для султана, но и для крымского хана. В XVII-XVIII наметилось сложение самостоятельной буджакской орды, основное население которой составляли ногайские татары. Однако ее независимость периодически подавляли Османская империя и Крымское ханство, а уничтожили ногайскую общность Буджака в 1807 г. русские войска» [Булатов, 2019].

Эта проблема была решена властями Российской империи, благодаря продуманной политике заселения земли Буджака разноэтническим населением – христианами: в основном болгарами, гагаузами, молдаванами, русскими, украинцами. «Именно их усилиями, в которых был весьма существенен вклад "задунайских переселенцев", Буджак уже в XIX веке преобразился в образцовый по хозяйственным меркам Европы того времени район» [Булатов, 2019: 117].

Первые шаги бессарабских гагаузов на новой родине

Гагаузы и болгары занимали оставленные ногайцами селения в Буджаке.

В ходе массовой колонизации Буджака задунайские переселенцы – гагаузы и болгары – обосновались в 82-х населенных пунктах. Главными их центрами стали Болград и Комрат. В большинстве этих сел превалировали этнические гагаузы, остальные населенные пункты были смешанными – гагаузско-болгарскими и гагаузско-молдавскими.

Российская империя закрепила положение задунайских переселенцев изданием правительственного указа от 30 декабря 1819 года, в котором, во-первых, закреплялись за ними преимущественно казенные земли Буджака, во-вторых, были определены права и привилегии социально-экономического характера. «...Жители колоний объявлялись лично свободными земледельцами с правом вечного наследственного пользования наделом в 50-60 десятин земли на семью. Это была неведанно высокая для России степень обеспеченности землей людей из крестьянской среды» [Маруневич, 1980: 6 - 18].

Наряду с этим, «гагаузы проявили свойственное для их характера единство, и, будучи рассеянными на начальном этапе в разных районах Южной Бессарабии, стали покидать боярские земли и расселяться компактно в Центральной части Буджака, на казенных землях. Это наделяло их рядом преимуществ по сравнению не только с положением на прежней родине, но и по сравнению с коренными жителями региона» [Казмалы, 2015: 29].

Со своей стороны, колониальные власти могли рассчитывать на гагаузов не только в сфере производства сельскохозяйственной продукции и скотоводства, но и в ремесле и воинской службе, что было очень важно в этом регионе для российских властей. Для нужд русской армии производились государственные закупки, разрешалась дунайская и черноморская торговля. Этому способствовала близость г.Одессы, который имел морской порт с правом международных грузовых перевозок.

Административное управление переселенцами осуществлялось созданием четырех округов – Прутской (14 селений), Кагульской (10 селений), Измаильской (14 селений), Буджакской (19 селений).

Гагаузы, наряду с социально-экономическим обустройством на новых землях, приоритетом для себя считали продолжение национальных традиций и обычаев своего народа, сохранение языка и культуры, а объединительным фактором этого – защита духовно-нравственных основ в жизни сообщества, неизменным оставались в лоне православного вероисповедания.

В феврале 1828 года в автономное устройство Пруто-Днестровского региона были внесены изменения, установленные ранее Александром I (1801-1825 гг.). Император Николай I (1825-1855 гг.) подписал закон «Учреждение для управления Бессарабской областью», предоставив Бессарабии статус области в составе Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства. По сути, на юге России была создана новая административно-территориальная единица. Подобный шаг царского правительства был направлен, в первую очередь, на сближение управления этим регионом к общероссийским стандартам и создание вертикали власти в Бессарабии подобной российской губернии [Булатов, 2020б].

Российские власти и их назначенцы управлять Бессарабией внимательно регламентировали социальные процессы в регионе, принимали соответствующие нормативные акты местного значения или обоснованно просили об этом центральную власть. Например, в 1830 году бессарабские купцы получили статус российских купцов, была отменена таможенная линия на Днестре. В интересах сельских жителей при правлении Николая I были выпущены два закона: «Положение о царанах, или свободных землевладельцах Бессарабской области» (1834 г.) и «Правила, утверждающие взаимные обязанности бессарабских владельцев земель и живущих на них крестьян» (1846г.).

Как справедливо пишут молдавские историки, «Освобождение от турецкого господства, уничтожение турецкой торговой монополии, создание внутреннего бессарабского рынка – как части общероссийского – ликвидация внутренних таможен – все это было сильнейшим толчком для развития края. Под защитой спокойной жизни население переходит от преимущественного занятия животноводством к земледелию. Вскоре край занимает первое место в России по производству винограда, вина, табака, одно из первых мест по сбору зерна «...» край становится одним из крупных экспортеров сельскохозяйственной продукции в Европе» [Книга для чтения, 2015: 67].

В гагаузских населенных пунктах начинается строительство добротных каменных церквей. И главное – они строятся без государственной помощи, а за счет пожертвований сельчан. В Комрате 1840 году сооружается Православный собор в честь Крестителя Господня Иоанна, а в 1858 году – 48 метровая Колокольня, в честь гагаузов, погибших в Крымской войне 1853-1856 гг.

Надо подчеркнуть, что в 1711-1812 годах в Пруто-Днестровском междуречье не было какого-либо учебного заведения, в 1813 году была

создана духовная семинария по инициативе Кишиневской православной епархии РПЦ для подготовки священников и светских чиновников. В 1834 году в Кишиневе открывается первая гимназия с русским языком обучения, а в 1864 году первая женская гимназия.

В нашем повествовании обратим внимание на еще одну важную деталь в истории гагаузского народа, а именно на становление элиты гагаузского общества, оказавшей заметное влияние на общественно-политическое, социально-экономическое и культурное развитие Бессарабии. Такие заметные личности – «национально мыслящие и стремящиеся выразить гагаузское самосознание» – сыграли важную роль в сохранении и развитии переселенцами в XIX-XX веках своей идентичности и укреплении духовного наследия.

Исследователь С.С. Булгар в своей книге «Гагаузская элита Бессарабии: конец XIX – начало XX вв.», описывая элиту из числа новых гагаузских переселенцев, опирается на понятие «интеллигенция» как на понимание об элите гагаузского народа и пишет, что «это ее образованная часть, в состав которой входят те, кто воплощает и обеспечивает духовную и культурную жизнь народа, сосредотачивает в себе общенациональное самосознание, выступает выразителем общенародных интересов. Именно характером и уровнем интеллигенции определяется культурное лицо общества, его симпатии, вкусы и настроения, складывающиеся в устойчивые нормы национальной культуры» [Булгар, 2016: 3].

Он подробно описывает жизненный путь и их вклад в становление гагаузских и болгарских переселенцев, таких как: Г.И. Цанко-Кыльчик, Х.А. Монастырлы, протоиерей М. Чакир, П. Капсыз, Г.Н. Жежу, К. Савелий, М.В. Дмитриевич, Д.Д. Дьяков, М.П. Губоглу, И.И. Булгар, (Сельма Езтюрк), Г.Г. Кайкы, семья Танасоглы (Илушка) и другие [Булгар, 2016: 9 - 119].

При этом следует подчеркнуть, что перечисленные и многие другие лица гагаузской элиты того периода еще только находились на пути к своему становлению, однако уже имели голос, как в гагаузском обществе, так и в официальных структурах власти региона по оказанию влияния «на формирование национального мировоззрения и создания гагаузской государственности» [Булгар, 2016].

Ряд исследователей показывает в своих трудах, что судьба гагаузской элиты была непроста. С.С. Булгар также отмечает, что «тот слой национальной интеллигенции, который сформировался в Российской империи после оккупации Бессарабии Румынией, оказался в очень сложном положении: незнание румынского языка препятствовало продвижению в карьере, некоторые отказывались присягать румынскому королю, другие сами отказывались работать на румынскую администрацию... А те же, кто смог адаптироваться к румынским реалиям или войти в местную администрацию, в 1940 году бежали в Румынию; оставшиеся же были репрессированы советской властью» [Булгар, 2016: 8].

Обратим внимание еще на одну особенность гагаузского народа: наличие у него внутренней творческой силы, которая «помогла гагаузам

преодолеть все невзгоды, выпавшие на их долю, выжить в условиях многих войн, развиваться в течение столетий, а в конце XX века обрести свою автономию в составе Республики Молдова» [Агульников, Булгар, 2014: 6].

Выживанию в сложных условиях гагаузского общества способствовало наличие у них морального кодекса, выработанного в ходе многовековой истории народа и основанного на национальных традициях, культуре и обычаях, а также духовном наследии предков. При этом основные понятия, входящие в кодекс чести гагаузов, сохранились в устной форме.

Первый кодекс чести в письменной форме был составлен в 1821 году генерал-лейтенантом И.Н. Инзовым после переселения гагаузов и болгар с Балкан в Южную Бессарабию. В нем были определены правила жизни гагаузов и других переселенцев в Буджаке [Булгар, 2010: 78 - 84].

В начале XX века М. Чакиром, гагаузским просветителем, был составлен моральный кодекс гагаузов, в котором определялись базовые моральные наставления и правила социальной и общественной жизни гагаузов. Например, гагаузы «... не должны отвечать злом на зло, но должны делать добро, не должны быть враждебными, мстительными, жестокими, сердитыми, злыми, не держать в сердце зла, но должны быть терпеливыми, любезными и добрыми... гагаузы должны быть святыми, правдивыми, людьми чести, гостеприимными и добросердечными» [Çakir, 2017: 158 - 159].

С. Булгар справедливо пишет по этому поводу, что, «к сожалению, система кодекса чести гагаузов со временем подвергалась разрушению. За последние сто лет национальное самосознание гагаузов испытало тяжелые потрясения, связанные с развалом Российской империи, революцией 1917 года, Румынской оккупацией Бессарабии в 1918-1940 годах и особенностями установления советской власти в Бессарабии в послевоенные годы» [Булгар, 2019: 7].

Бессарабский вопрос в международных документах второй половины XIX – первых десятилетиях XX вв.

Социальные процессы в Бессарабии были прерваны в связи с началом Крымской войны в 1853 году. И в 1856 году Россия была вынуждена признать свое поражение в этой войне и заключить в Париже договор в условиях западных стран – Великобритании и Франции, выступающих на стороне Турции.

По условиям Парижского мира Россия лишалась права выступать в защиту интересов христианских народов, подданных Османской империи и была вынуждена подтвердить вассальный статус Молдавского и Валахского княжеств в составе Османской империи. К тому же, России и Турции запрещалось держать на Черном море военный флот и создавать на побережье военные арсеналы. Таким образом, западные союзники Турции выступали за «нейтрализацию» Черного моря.

Мало того, договор предусматривал проведение новой приграничной линии на территории Бессарабии – передачу южных регионов Бессарабии Молдавскому княжеству, т. е. земель, примыкающих к Дунаю и нижнему

течению Прут. Общая площадь этих земель составляла 10,3 тыс. кв. километров с населением 130 тыс. человек [Национальные окраины, 1997: 178].

Царское правительство считало условия Парижского мира 1856 года несправедливыми и добивалось его отмены. Однако вернуть утерянные позиции России удалось только по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В соответствии с Берлинским Трактатом, «Княжество Румыния уступает обратно е. в. императору Всероссийскому часть бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 года, ограниченную с Запада руслом Прута, а с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула (ст.45)» [Берлинский трактат, 1878].

В 1859 году состоялось объединение княжеств Молдавии и Валахии, а в 1862 году образуется на базе указанных территорий унитарное национальное государство – Княжество Румыния. Российские власти в этот период не признавали прав Румынии на Южную Бессарабию. Мало того, официальный орган МИД России констатировал, что «Южная Бессарабия в составе Румынии пребывала, если не богом, то властями, забытой окраиной и влачила жалкое существование, так что нынешние заявления, будто бы она составляет драгоценное национальное состояние, по меньшей мере, неуместны» [Виноградов, Ерещенко и др., 1996: 130].

Таким образом, «ранее утерянные» территории Дунайских княжеств, в первую очередь, включая Трансильванию, Буковину и Бессарабию, были объявлены и «румынским пространством», а их население, соответственно, «этническими румынами». Что касается запрутских молдаван, «то провозглашение румынского государства обернулось для них потерей национальной идентичности: во-первых, молдавская государственность прекратила свое существование; во-вторых, из политического словаря румынского государства вообще исчезло понятие «молдавский этнос». По мнению официального Бухареста, в пограничной зоне реки Прут теперь проживали исключительно этнические румыны, а не запрутские молдаване – на правом берегу реки, и, соответственно, бессарабские молдаване – на левом» [Булатов, 2020в: 110].

П.К. Лучинский, анализируя ситуацию в бессарабском регионе в периоды ее нахождения в составе России и под румынским управлением, подчеркивает, что «современная Румыния считает акцию 1812 года грубым захватом исторической территории румын (заметим, что Румыния как государство образовалась только в 1859 году – автор); с точки зрения бессарабцев, в частности, человека от сохи, это было улучшением жизни; русские, в свою очередь, утверждают, что освободили и экономически подняли христианский край, веками томившийся под игом басурман» [Лучинский, 2011: 189].

Тем более важно, когда об этом говорит человек, который был руководителем этой страны в переходный период, когда молдавское государство в составе СССР становилось независимым суверенным государством. П.К. Лучинский подчеркивает, что интенсивное заселение края

решающим образом повлияло на ускорение экономического развития, на развитие производственных сил, а также стимулировало подъем экономики в целом. Огромную роль также сыграла, с его точки зрения, общность религии русских и молдаван в становлении духовности Бессарабии [Лучинский, 2011: 187 - 189].

Раскрывая свои выводы, он также подчеркивает, что «... за три десятилетия царской власти переселил в Бессарабию, преимущественно в ее южную часть, 10 тысяч крестьян из центральных губерний России и Украины, перевезли сюда и наделили землей десятки тысяч заграничных колонистов болгар, гагаузов, греков, немцев, поляков, швейцарцев и др. Тогда же здесь стали зарождаться большие латифундии, позволявшие развивать крупное современное по тем временам хозяйство. Власти поощряли также колонизацию края евреями. Если в 1817 г. в Бессарабии насчитывалось 15 тысяч евреев, то в 1858 году их уже было 78 тысяч «...» Благодаря естественному приросту и приезду жителей из других областей население Бессарабии увеличилось с 240 тысяч в 1812 году до 990 тысяч в тысячу к середине XIX века» [Лучинский, 2011: 189].

Для сравнения приведем данные о росте населения в Бессарабии из еще одного источника: «... если в 1817 году молдаване составляли 86,8% от общей численности населения края, то в 1843-1844 годах эта цифра сократилась до 59%, а в городах число молдаван было еще меньше и равнялось 26,2%» [Кушко, Таки, 2012: 215 - 216]. «В 1897 году молдаване составляли уже менее половины населения Бессарабии – приблизительно около 48%. На рубеже XIX-XX веков общее население Бессарабии составляло 1 млн. 935 тыс. человек, а титульное население края насчитывало, как утверждает в источнике, 920919» [Кушко, Таки, 2012: 217].

Следует отметить, что в цитируемом источнике авторы распространяют последнюю, цитируемую цифру на румыноязычное население Бессарабии. Здесь следует подчеркнуть, что дискуссии относительно языковой идентичности местных молдаван (молдавский или румынский язык) не утихают по сей день. Причем, в настоящее время этнолингвистическая ситуация и формируемая ею идентичность только усложнились, в отличие, например, от той, что наличествовала в массе малограмотного крестьянства, не попавшего под влияние идеологии молодого румынского государства, окончательно сформировавшегося лишь во второй половине XIX в. Тем не менее авторы цитируемой работы именуют 920919 – румыноязычными жителями края. Впрочем, данный аспект является темой для отдельного обсуждения.

В 1887 году в регионе проводится первая всеобщая перепись населения, в которой впервые гагаузы учитывались отдельно от болгар как отдельный народ. Перепись показала значительный рост гагаузов как в количественном составе, так и грамотности. «В 1887 году в Бессарабии проживало 55,8 тыс. гагаузов (2,9%...), среди 10 наиболее многочисленных национальностей Бессарабии гагаузы занимали седьмое место по грамотности (11,7%

грамотных), уступая русским, полякам, белорусам, болгарам и некоторым другим народам» [Зеленчук, 1979: 197 -199].

Гагаузы Буджака, прожив с 1819 года в Бессарабии более пятидесяти лет в статусе колонистов, в 1871 году стали подданными Российской империи в статусе граждан страны.

На судьбу гагаузов в немалой степени повлиял и «Договор между главными союзными державами и Румынией в отношении Бессарабии», подписанный в Париже 28 октября 1920 года Британской империей, Францией, Италией, Японией, главными союзными державами и Румынией» [Левит, 2012: 234 - 237].

Договор (Бессарабского (парижского) протокола) предусматривал «...суверенитет Румынии над территорией Бессарабии, которая находится в пределах нынешней границы Румынии, Черного моря, течения Днестра от его устья до точки, где он пересекает бывшую границу между Буковиной и Бессарабией...» (статья 1) [Договор, 1920].

При этом Румыния обязуется соблюдать положения Договора, подписанного в Париже 9 декабря 1919 г. главными союзными державами и Румынией и обеспечить их неукоснительное соблюдение на территории Бессарабии (статья 3). Какими были эти обязательства? Прежде всего, «это обязательство жителей без различия расы, языка и вероисповедания теми же гарантиями свободы и справедливости, какими пользуются жители всех других территорий, входящих в состав Румынского королевства» [Левит, 2012: 234].

В договоре также описаны положения о принятии румынского гражданства, в том числе и гражданами бывшей Российской империи, а также о сохранении за собой недвижимого имущества лица, выбравшего гражданство не в соответствии с обозначенными в договоре правилами (читай – не принявшие румынское гражданство – автор), «обязаны в течение последующих двенадцати месяцев изменить свое место жительства и переехать в государство, гражданами которого они являются» (статья 5) [Левит, 2012: 235].

В то же время статья в договоре предусматривает признание Румынией в качестве румынских граждан, в силу самого факта и без всяких формальностей, граждан бывшей Российской империи, которые родились на территории Бессарабии от родителей, проживающих там, хотя на момент вступления в силу настоящего Договора они сами могут там не проживать» [Левит, 2012: 235].

Договор также предусматривает приглашение России присоединиться к Договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство. При этом в статье 3 Договора предусмотрено, что «границы, определенные в настоящем Договоре, равно как суверенитет Румынии над включенными в эти границы территориями, не могут быть поставлены на обсуждение (т. е. представить на арбитраж совета Лиги Наций)». То же самое относится ко всем вопросам, которые могут возникнуть впоследствии при применении данного Договора» [Левит, 2012: 236].

Читателям следует объяснить, какова была военная и политическая ситуация в преддверии мирной конференции в Париже. Подписание 30 октября (11 ноября по новому стилю) 1918 года Компьенского перемирия между странами Антанты и Германией положило начало завершению Первой мировой войны, мирной жизни в Европе и на Балканах «...» Германия проиграла войну вместе со странами, входящими в Четверной союз – Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией.

К осени 1918 года Румыния оказалась в достаточно трудном положении. Она воевала на стороне Антанты с августа 1916 года, и к завершению военных действий часть ее территории оказалась под оккупацией войск Четверного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария)». 24 апреля (7 мая) 1918 года в Бухаресте был подписан сепаратный мирный договор между центральными державами и Румынией в нарушение Союзного договора, заключенного 4 (17) августа 1916 года с Великобританией, Францией и Россией (пункт 5). При подписании Союзного договора стороны обязались, во-первых, воздержаться от заключения мира, во-вторых, не разглашать сам факт достижения соглашения, особенно в части территориальных вопросов.

«Но румынский король Фердинанд, за спиной которого стоял клан семейства Брэтиану и другие влиятельные политики, в связи с изменением хода войны в пользу Антанты всячески затягивал ратификацию Бухарестского мирного договора, вызвав этим раздражение у германских и австрийских правящих кругов» [Левит, 2012: 8 - 9].

В своей книге И.Э. Левит подробно описывает ситуацию, происходящую в Румынии в преддверии мирной конференции в Париже и о «решении» бессарабского вопроса на самой конференции. Румынское руководство заранее решило и вело дело к тому, чтобы раз и навсегда «... покончить с автономией Бессарабии, зафиксированной актом Сфатул Цэрий от 27 марта (февраля) 1918 года о присоединении Бессарабии к Румынии. Это диктовалось как внешнеполитическими, так и внутренними причинами» [Левит, 2012: 17 - 18].

Как пишет И.Э. Левит, исследователь истории Молдовы, «выступая в румынском парламенте, бессарабец И. Пелеван, другой сторонник «единения» («унири») Бессарабии с Румынией, признавал: «Мы не забыли, что Россия была союзницей Антанты и, следовательно, решение бессарабского вопроса столкнется с большими трудностями на мирной конференции. Поэтому, чтобы расстроить действия наших противников на мирной конференции, мы сочтем нужным отказаться от условий 27 марта 1918 года» [Левит, 2012: 18; АВП РФ].

В реальной жизни для бессарабцев никакой автономии не было представлено, вся социальная, экономическая и культурная сфера общества «регламентировалась декретами румынского короля и приказами местного наместника».

1 июля 1918 г. декретом короля на территории Бессарабии было продлено осадное положение, которое послужило предлогом для сохранения цензуры печати и переписки, запрещения собраний. Почта, телеграф, телефон перешли в ведение румынской администрации. Были упразднены городские и

уездные милиции, в городах они были заменены румынской полицией, а в сельской местности румынской жандармерией. В октябре 1918 года декретом короля были распущены Губернское земство, Краевой союз городов, городские и уездные органы самоуправления (думы, управы). Вместо них по представлению военного генерального комиссара Бессарабии генерала А. Вэйтояну, наделенного диктаторскими полномочиями, были назначены временные комиссии по управлению городами. В конце октября на Бессарабию было распространено действовавшее в Румынии судебное законодательство [ДВП СССР, 1958: 52; Левит, 2012: 18].

Антирумынские настроения населения Бессарабии были довольно сильными, и это прекрасно знали власти Румынии. В этих условиях перед властями стали вопросы: как быстрее избавиться от наиболее активных членов Сфатул Цэрий. Завершающий период Сфатул Цэрий хорошо проанализирован во многих исследованиях И.Э. Левита: заседание Сфатул Цэрий 26-27 марта (9 апреля) 1918 года стало последним заседанием в истории Бессарабии, и Сфатул Цэрий прекратил свое существование королевским декретом. Как считают многие исследователи, прекращение деятельности Сфатул Цэрий было нелегитимным.

Таким образом, как справедливо пишет И.Э.Левит, «... еще до открытия Парижской конференции правители Румынии поставили ее участников перед совершившимся фактом: они включили в состав страны не только предусмотренные секретным договором 4 (17) августа 1916 года с Антантой территории, входившие до войны в состав Австро-Венгрии, но и непредусмотренную этим договором Бессарабию... Не мешкая, в «Monitorul Oficial» (№ 212, 217, 219) были опубликованы декреты о включении перечисленных областей в состав Румынии, 24 января 1919 года они были ратифицированы парламентом» [Левит, 2012: 25].

Дальнейшая деятельность по защите интересов бессарабцев от посягательств румын, включая руководство молодой советской власти, хорошо исследованы в трудах Левита И.Э. Например, в воззвании «Комитета освобождения Бессарабии» под названием «К народам всего мира» говорилось: «... Бессарабия неожиданно для населения и против его воли огнем, мечом ложью была объявлена частью румынского королевства...» [Левит, 2012: 33]. Другая организация, «Бессарабское бюро политических эмигрантов», развернула в Одессе активную деятельность против присоединения Бессарабии к Румынии. Создается образование «Одесский комитет освобождения Бессарабии», который изучает «меморандум» о положении в Бессарабии и для представления ее державам согласия и делегатам будущей международной мирной конференции [ДВП СССР, 1958: 403; Левит, 2012: 35].

После приобретения независимости Республикой Молдова определенные прорумынские и прозападные научные круги страны стали продвигать идеи по пересмотру научного и культурного наследия страны, «создавая» уже свою национальную историю. В этой связи исторические события, повлиявшие на формирование Российского многонационального и многоконфессионального государства, начали подвергаться переосмыслению

и получать полярные оценки местных научных экспертов [Tomuleț, 2014 и др.]. Эти иные историко-культурные ориентиры представляли собой ревизию исторических событий, несмотря на имеющиеся бесспорные договорно-правовые документы, затрагивающие интересы коренных этносов, входивших в состав Российского государства в имперский период истории как проживающих в Бессарабии, так и переселенцев в Молдову: русских, болгар, гагаузов и представителей других этносов, после подписания Бухарестского мира между Россией и Османской империей.

Список сокращений:

ДВП СССР – Документы внешней политики СССР.

ЗБСК – Записки Бессарабского статистического Комитета.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Литература и источники на русском языке

АВП РФ – Архив внешней политики (АВП) Ф.125. Оп. 1. П.3. Д.30.
Агульников, Булгар, 2014 – Агульников С., Булгар С. История родного края: Буджак. Гагаузия. – Комратский Государственный университет, 2014. 120 с.

Атанасов, 2009 – Атанасов Г. Добруджанското деспотство. – Велико Търново, «Фабер», 2009. 496 с.

Берлинский трактат, 1878 – Берлинский трактат. Берлин, 1/13 июля 1878 г. статья XLV//<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 29.05.2021).

Булатов, 2019 – Булатов Ю.А. Молдавия и политика дома Романовых во время русско-турецких войн (1710 — 1812 гг.) // Международная жизнь, 2019. № 11, ноябрь, С. 100 – 119.

Булатов, 2020а – Булатов Ю.А. История присоединения Бессарабии к России. Новое прочтение темы – урок не впрок?. М., Международная жизнь, 2020. № 1, январь. С. 24 – 33.

Булатов, 2020б – Булатов Ю. Бессарабский сценарий императора Александра I // «Международная жизнь». 2020. № 4, апрель, С.106-121.

Булатов, 2020в – Булатов Ю. Русификация Бессарабии: несостоявшийся проект Дома Романовых (1828-1917 гг.) // М., Международная жизнь, 2020. № 9, сентябрь. С. 104 – 124.

Булгар, 2005 – Булгар С. С. Страницы истории и литературы гагаузов. Кишинев: «Pontos», 2005. 318 с.

Булгар, 2010 – Булгар С. Страницы истории Вулканешты. Кишинев: Tipogr. Centrala, 2010. 688 с.

Булгар, 2016 – Булгар С. С. «Гагаузская элита Бессарабии: конец XIX – начало XX вв.». Кишинев. 2016. 123 с.

Булгар, 2019 – Булгар С. Кодекс чести гагаузов — правила жизни, основанные на обычаях и древних культурных традициях народа. Комрат: S. n., 2019. 36 с.

Виноградов, Ерещенко и др., 1996 – Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Покивайло Т.А., Семенова Л.Е. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 380 с.

Внешняя политика России, 1962 – Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. М.: Министерство иностр. дел СССР, 1962. 866 с.

Гросул, 2018 – Гросул В. Я. «Бессарабия в международных отношениях нового времени». Кишинев: б. и., 2018. 475 с.

Губогло, 1967 – Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов//Советская этнография, № 3 май-июнь. М.: Наука, 1967. С. 159 – 167.

ДВП СССР, 1958 – Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 52 (Цит. по: Левит И.Э... С. 18

Договор, 1920 – Договор между главными союзными державами и Румынией о Бессарабии (Париж, 28 октября 1920 г.) // <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1927/15.html> (дата обращения: 29.05.2021).

ЗБСК, 1968 – Записки Бессарабского статистического Комитета. Кишинев, 1968 г. Том 3. Стр. 108-110. Оpubл. Dinu Poștarencu. O istorie a Basarabiei in date si docummente. 1812-1940. Chișinău, 1998. P. 64-66.

Зеленчук, 1979 – Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. [Текст] : (Этн. и социал.-демогр. процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. – 287 с.

Казмалы, 2015 – Казмалы И.М. Авдарма: 450 лет истории, 1563-2013: Прошлое. Настоящее. Будущее. Кишинев: типогр. «BaLaCron», 2015. 464 с.

Книга для чтения, 2015 – Книга для чтения по новой и новейшей истории Молдовы / Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»; коорд. С. М. Назария). – Кишинев, 2015. – 315 с.

Кушко, Таки, 2012 – Кушко А., Таки В., Бессарабия в составе Российской империи (1812-1817). М.: Новое литературное обозрение 2012. 394 с.

Левит, 2012 – Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919 — 1920гг.). Тирасполь: Литера 2012. 240 с.

Лучинский, 2011 – Лучинский П.К. Молдова и молдаване. Кишинев: Biblion, 2011. 364 с.

Маруневич, 1980 – Маруневич М.В., Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX-начале XX в. Кишинев: «Штиинца», 1980. 168 с.

Мунтян, Семенова, 1984 – Мунтян М.П., Семенова И.В. Россия и освободительная борьба молдавского народа против Османского ига (1769-1812). – Кишинев: «Штиинца», 1984. 296 с.

Национальные окраины, 1997 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С. Г. Агаджанов, Ш. Ф. Мухамедьяров, В. В. Трепавлов и др.; Ин-т Рос. истории РАН. М.: Слав. диалог, 1997. 415 с.

Очерки внешнеполитической истории, 1987 – Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). – Кишинев: «Штиинца», 1987. 463 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – СПб, 1830, том XXXV. № 27357. 672 с.

Руссев, 1992 – Руссев Н. Д. Низовья Дуная и Днестра времени формирования Валашского и Молдавского княжеств. Кишинев. 1992. 23 с.

Страницы истории и литературы, 2005 – Страницы истории и литературы гагаузов. Составитель Булгар С. С. Кишинэу: «Pontos», 2005. 319 с.

Шабашов, 2002 – Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002. 744 с.

Литература и источники на иностранных языках

Archive statului, 1932 – Archive statului. Chişinău. Sectia senatorilor. Dosar № 4056. Fila 5. Duyba. L. Boga. Politica moldovenilor inainte de pacca de la Bucureşti. – Chişinău, 1932. P. 192-193.

Pagini uitate ale istoriei, 2012 – Pagini uitate ale istoriei Basarabiei de Sud (1856 - 1861): culegere de documente si material. Compilator I. Grec. Chişinău: Asoc. istoricilor si politologilor «Pro-Moldova», 2012. 231 p.; Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856 - 1861 гг.): сборник документов и материалов. Сост. Грек Иван Федорович. Кишинев: «Pro-Moldova», ассоциация историков и политологов, 2012. 231 с.

Cakir, 2017 – Cakir M. Evangeliya okuyacak gagazlara nasaaf sozu//Ay boba Mikail Cakir. Gagauzlar: istoriya, adetlar, dil hemdin / Concepție S. Bulgar. Chisinau. 2017. S. 158 -159.

Dobruca ve Türkler, 1996 – Dobruca ve Türkler. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1966. 256 p.

Poştarencu, 1998 – Poştarencu D. O istorie a Basarabiei in date si documente. 1812-1940. – Chişinău, Cartier, 1998. 219 p.

Tomuleţ, 2014 – Tomuleţ V. Basarabia în epoca modernă (1812-1918). (Instituții, Regulamente, Termeni). – Chişinău: Lexon-Prim, 2014. 671 p.

Türk kültürü, 1989 – Türk kültürü, Sayı 316, YIL XXVII, agustos 1989, Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü (TKAE)

Yakup Aygil, 1995 – Yakup Aygil. Hiristiyan Türklerin kısa tarihi. Istanbul, Mayıs. 1995. 143 p.

References

AVP RF – Arhiv vneshnej politiki (AVP) F.125. Op. 1. P.3. D.30.

Agul'nikov, Bulgar, 2014 – Agul'nikov S., Bulgar S. Istoriya rodnogo kraja: Budzhak. Gagauziya. – Komratskij Gosudarstvennyj universitet, 2014. – 120 s.

Atanasov, 2009 – Atanasov G. Dobrudzhanskoto despotstvo. – Veliko T"rnovo, «Faber», 2009. – 496 s.

Berlinskij traktat, 1878 – Berlinskij traktat. Berlin, 1/13 iyulya 1878 g. stat'ya HLV//<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (data obrashcheniya: 29.05.2021).

Bulatov, 2019 – Bulatov YU.A. Moldaviya i politika doma Romanovyh vo vremya russko-tureckih vojn (1710 — 1812 gg.) // Mezhdunarodnaya zhizn', 2019. No. 11, noyabr', S. 100 – 119.

Bulatov, 2020a – Bulatov YU.A. Istoriya prisoedineniya Bessarabii k Rossii. Novoe prochtenie temy – urok ne vprok?. M., Mezhdunarodnaya zhizn', 2020. No. 1, yanvar'. S. 24 – 33.

Bulatov, 2020b – Bulatov YU. Bessarabskij scenarij imperatora Aleksandra I // «Mezhdunarodnaya zhizn'». 2020. No. 4, aprel', C.106-121.

Bulatov, 2020v – Bulatov YU. Rusifikaciya Bessarabii: nesostoyavshijsya proekt Doma Romanovyh (1828-1917 gg.)//M., Mezhdunarodnaya zhizn', 2020. No. 9, sentyabr'. S. 104 – 124.

Bulgar, 2005 – Bulgar S. S. Stranicy istorii i literatury gagauzov. – Kishinev: «Pontos», 2005. – 318 s.

Bulgar, 2010 – Bulgar S. Stranicy istorii Vulkaneshty. – Kishinev: Tipogr. C éntrala, 2010. – 688 s.

Bulgar, 2016 – Bulgar S. S. «Gagauzskaya elita Bessarabii: konec XIX – nachalo XX vv.». Kishinev. 2016. – 123 s.

Bulgar, 2019 – Bulgar S. Kodeks chesti gagauzov — pravila zhizni, osnovannye na obyčajah i drevnih kul'turnyh tradiciyah naroda. – Komrat: S. n., 2019. –36 s.

Vinogradov, Ereshchenko i dr., 1996 – Vinogradov V.N., Ereshchenko M.D., Pokivajlo T.A., Semenova L.E. Bessarabiya na perekrestke evropejskoj diplomatii. Dokumenty i materialy. – M.: Indrik, 1996. –380 s.

Vneshnyaya politika Rossii, 1962 – Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. T. 6. – M.: Ministerstvo inostr. del SSSR, 1962. – 866 s.

Grosul, 2018 – Grosul V. YA. «Bessarabiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah novogo vremeni» - Kishinev: b. i., 2018. – 475 s.

- Guboglo, 1967 – Guboglo M. N. Etnicheskaya prinadlezhnost' gagauzov//Sovetskaya etnografiya, No. 3 maj-iyun'. M.: Nauka, 1967. S. 159 – 167.
- DVP SSSR, 1958 – Dokumenty vneshnej politiki SSSR.T. II. M., 1958. S. 52 (Cit. po: Levit I.E... S. 18
- Dogovor, 1920 – Dogovor mezhdru glavnymi soyuznymi derzhavami i Rumyniej o Bessarabii (Parizh, 28 oktyabrya 1920 g.)// <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1927/15.html> (data obrashcheniya: 29.05.2021).
- ZBSK, 1968 – Zapiski Bessarabskogo statisticheskogo Komiteta. Kishinev, 1968 g. Tom 3. Str. 108-110. Opubl. Dinu Poștarencu. O istorie a Basarabiei in date si documente. 1812-1940. Chișinău, 1998. P. 64-66.
- Zelenchuk, 1979 – Zelenchuk V.S. Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. [Tekst] : (Etn. i social.-demogr. processy). – Kishinev : SHtiinca, 1979. – 287 s.
- Kazmaly, 2015 – Kazmaly I.M. Avdarma: 450 let istorii, 1563-2013: Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee. Kishinev: tipogr. «BaLacron», 2015. – 464 s.
- Kniga dlya chteniya, 2015 – Kniga dlya chteniya po novoj i novejshej istorii Moldovy / Associaciya istorikov i politologov «Pro-Moldova»; koord. S. M. Nazariya). – Kishinev, 2015. – 315 s.
- Kushko, Taki, 2012 – Kushko A., Taki V., Bessarabiya v sostave Rossijskoj imperii (1812-1817). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie 2012. – 394 s.
- Levit, 2012 – Levit I.E. Bessarabskij vopros v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij (1919 — 1920gg.). – Tiraspol': Litera 2012. – 240 s.
- Luchinskij, 2011 – Luchinskij P.K. Moldova i moldavane. – Kishinev: Biblion, 2011. – 364 s.
- Marunevich, 1980 – Marunevich M.V., Poseleniya, zhilishche i usad'ba gagauzov YUzhnoj Bessarabii v XIX-nachale XX v. – Kishinev: «SHtiinca», 1980. – 168 s.
- Muntyan, Semenova, 1984 – Muntyan M.P., Semenova I.V. Rossiya i osvoboditel'naya bor'ba moldavskogo naroda protiv Osmanskogo iga (1769-1812). – Kishinev: «SHtiinca», 1984. – 296 s.

Nacional'nye okrainy, 1997 – Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya / S. G. Agadzhanov, SH. F. Muhamed'yarov, V. V. Trepavlov i dr.; In-t Ros. istorii RAN. – M.: Slav. dialog, 1997. – 415 s.

Ocherki vneshnepoliticheskoj istorii, 1987 – Ocherki vneshnepoliticheskoj istorii Moldavskogo knyazhestva (poslednyaya tret' XIV — nachalo XIX v.). – Kishinev: «SHtiinca», 1987. – 463 s.

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. – SPb, 1830, tom XXXV. No. 27357. – 672 s.

Rusev, 1992 – Rusev N. D. Nizov'ya Dunaya i Dnestra vremeni formirovaniya Valashskogo i Moldavskogo knyazhestv. – Kishinev. 1992. – 23 s.

Stranicy istorii i literatury, 2005 – Stranicy istorii i literatury gagauzov. Sostavitel' Bulgar S. S. – Kishineu: «Pontos», 2005. – 319 s.

Shabashov, 2002 – SHabashov A. V. Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdenie naroda. – Odessa: Astroprint, 2002. – 744 s.